

ПЯТЕРИЦА

Изборник

1977-1995

Изборник «Пятерица» составлен из стихотворений пяти книг: «Високосный февраль», «Мартослов», «Капризная акварель», «Май-помазанец» и «Июнь», однако он не является итогом творчества, а представляет собой определённый этап проверки на поэтическую прочность, и потому читать помещённые в нём стихотворения желательно с большой долей критичности.

© А.М.Раткевич

1. ВИСОКОСНЫЙ ФЕВРАЛЬ

1991

* * *

Меня, конечно, можно обмануть,
заставить верить в слабость тела,
в глаза мои по-вражески взглянуть,
оклеветать остервенело,
схватить за пальцы, их сломать,
лицо проклятием утюжить,
отнять любовь, ребёнка, мать
и слово, но – не обездушить.

02.02.77

Минск

ВЧЕРАШНЕЕ

Белая чашечка с чёрным кофе
будто вчерашняя распря – ныне.
Я на постели, как на голгофе,
и простыни белизна – под иней.

Было вчера – я любовью оплакан
или подушка от слёзности мокнет?
Встану: ладонь – неожиданный клапан –
резко от пара горячего вздрогнет.

27.06.78

* * *

Какое счастье обладать
твоей душистою походкой,
твоей настойчивостью кроткой
и сном твоим, когда опять

ушли в былое неудачи,
исчезли муки нелюбви
и несогласья визави,
отвергнув прихоти и плачи,
утихли; каждый день тогда
украшен маленькой утратой,
наполнен песенности мятой
и по устам, как череда
непреднамеренных обрядов,
скользит нектар покорных взглядов.
21.07.78

* * *

Мороз унялся, люди вдруг
зашевелились по привычке,
усердно стягивая с рук
мешающие рукавички.

И только на твоих щеках
прозрачной нитью лёд искрится:
ты плачешь, словно второпях
любить не можешь научиться.
08.01.79
Минск

* * *

Дочка слепую мать
молча ведёт, размеренно;
дочка сама, сказать,
в поступи неуверенна.

Только сквозь тлен опаловый
нету им в мире большом
шага дороже малого,
пройденного вдвоём.
22.03.79

* * *

Утренний час – драгоценней вечернего:
ива с берёзой в инее сплошь,
если его на ладони возьмёшь,
таянье – эхо молчанья дочернего.

Или – прохлада; её серебрение
сквозь нарастающий солнца алмаз –
это безудержный крик-сотворение
сына, рождённого в утренний час.

24.04.81

* * *

Мне о цветах молчать уместней –
цветы мне не дарили свет,
когда, объятый страстью лестной,
я приносил тебе букет.

Когда же в вазе негасимой
они цвели, не для меня
их аромат необъяснимый
распространялся в звоне дня.

Но и когда сквозь увяданье
с цветов слетел последний крик,
не мне его исповеданье
предназначалось в этот миг.
28.02.82

* * *

Аромат любимых женщин
в час, когда я нелюдим,
сухость дней – морщинок-трещин –
освежает, словно дым
трав, пылающих в апреле
на лугах сквозь ветра муть –
это миг, но в нём и суть
лет, которые сгорели.
1980-82(1994)

БАНАЛЬНАЯ ЛИРИКА **/Циклопоэма/**

I

Нам трудно любить друг друга,
причина банальней разлук:
меня ожидает супруга,
тебя – на перине супруг.

Нам трудно. А им, так броско
умеющим время кроить,
легко до предельного лоска
себя самоё любить.

II

Улыбка срезала щеку,
в ладонь скатилась капля крови –
как лезвие, свою строку
я поломал на полуслове.

"Скрывать не надо... – шёпот был,
и на пол падали заколки, –
ты помнишь, как бокал разбил,
летели в нас его осколки?"

Я помню месяц, день и час,
когда вошла над жизнью проза

колючей фразою: для нас
улыбка эта – как заноза.

III

Мороз и зима – белоснежная пара;
венчанию срок настаёт в феврале.

И мы растерялись – от лунного шара
лучи, как фата, растеклись по земле.

И мы испугались – февральскою ночью
услышали свадебный гимн в небесах.

Увидели в круге луну... или клочья
от белой фаты на замёрзших руках.

IV

Меж нами яблоко раздора
упало – и сказала ты:
"Напоминает эта ссора
мне перезревшие плоды".

Подумал я, прильнув к окну:
"Была ли суть в *любви* бренной?..
Мы создали б семью одну,
разрушив две одновременно".

На свете иногда и ссора
приносит верности расцвет.
Меж нами яблоко раздора
упало... или нет?

08.01.85

ДЕЦИМА ЛЮБВИ

Плеч движение кошачье,
чуть заметный штрих рукой
в миг улыбки над строкой;
у причёски зло ребячье –
растревожило *лежащее*
мнение, что семена –
или мышья западня? –
вдруг рассыпалось, как порох,
на твоих лукавых взорах:
разве любишь ты меня...

06.03.90

1. МАРТОСЛОВ

1993

* * *

Нет абсолютного в природе.
Во всём жестокость перемен.
Я был вчера, сегодня – вроде,
а завтра я – всего лишь тлен.
И ты не думай о бессмертье
ни в дни побед, ни в годы смут,
ни в миг, когда в душе усердьё.
Бессмертье – это абсолют.

На свете каждый ждёт покоя.
За вереницей дней и лет
мне, избегающему боя,
покоя не было и нет.
Ты тоже будь всегда движенье,
не веря ввек, как верит люд,
что старость есть успокоенье.
Покой на свете – абсолют.

Мы и познание нераздельны.
Казалось мне, счастливый миг:
сквозь жизни занавес скудельный
я тайну истины постиг.
Обман! И ты, мой друг, не числи,
что скорость света есть сосуд,
в котором нет брожения мысли.
Предел познания – абсолют.

Я раньше верил в бесконечность.
И, проклиная интерес,
я наслаждался сквозь беспечность
зеркальной звёздностью небес.
И что? Тебе случалось тоже
вдруг ощутить судьбы хомут

с орбитой солнечною схожий.
И бесконечность – абсолют.

Нет абсолютного в природе.
Во всём жестокость перемен.
И кто живёт вполне по моде,
и тот, кого старенья крен
стал обволакивать наветом,
поймут, от кушанья – едва,
что остаются в мире этом
одни слова.

25.05.1979

ПИСЬМА

Перечитав все письма Ваши,
я вспомнил с лёгкою тоской,
что Вы, как счастья полной чаши,
искали близости со мной.

Что Вы сквозь внешнюю усталость
во мне любили не прибой,
а устоявшийся, как старость,
уравновешенный покой.

Покой срывал я без согласия –
и Вы ушли огню под стать,
оставив для разнообразья
тяжёлый привкус несогласья
моею суженою стать...

Теперь, когда уже навечно
былые страсти позади,
пытаюсь я чистосердечно
в них утешение найти.

Вот почему мне письма Ваши
сегодня дороги вдвойне,
А Вы? Достигнув счастья даже,
Вы вспоминали обо мне?

30.06.1984

* * *

Растаял день. Всевластность щедрой ночи
дарует звёздность людям и земле.
И я, небес почувствовавший очи,
иду во мгле.

И слышу вдруг в светящемся затишье,

о чём трава беседует в ночи,
как шелестят, проказя по-мальчишьи,
лилово-лунные лучи.

И ветер над водою затихает,
и пруд, что за день солнцем опалён,
прохладу ночи глубоко вдыхает
сквозь чуткий сон.

И каждый куст посеребрён полночно:
сквозь струны неподвижные ветвей
сияют звёзды чисто и молочно,
целители души моей.

И светел путь в ночи неизъяснимой.
Поля молчат, как фрески, в тишине.
И нет дорожке звёздности ранимой
сегодня мне.

март 1986

КОЛОДЕЦ

Это поле у деревни
мне мерещилось всегда:
там стоит колодец древний,
в нём зелёная вода.

И не брёвен сизых гнилость
мне внушала страха скошь,
а воды невозмутимость
извела меня насквозь.

Что в её застывшем слитье
заколдовано тоской:
битв кровавых чаепитье,
плуга лязг иль пот людской?

Или в ней сиянье неба,
словно в выгибе стекла,
отражается нелепо
и бесцветно, как зола?

Или всё на белом свете,
в чём угасли злость и спесь,
как в евангельском завете,
воедино слито здесь?

Нет ответа; я не воин;
сквозь прохлады череду
у колодца мнусь расстроен

и безволен, как в бреду.

Я бреду своей орбитой,
в мысль одевшись, как в пальто:
что забыто, то забыто,
но колодец – это что?

1987

ТРОИЦА

Снег чувствителен и женствен,
в пелене ночных огней
необузданно-божествен
триединый бег коней.

Вера, что ли, в них клокочет?
Блещет избранная статья?
Или это время хочет
тайну бега обуздать?

Или в храме их сгорает
по бессмертию тоска?
Иль за звёздность звон карает
бубенцами у виска?

Не развеять, не умерить
своеволие трёх богов –
в них возможно только верить
без границ и берегов.

В мутно-лунных переливах
бел завьюженный простор,
серебрится в коньих гривах
снежно-вспененный костёр.

И сияет подвенечно
сквозь вселенское кольцо
триединое навечно
Родины лицо.

16.09.87

ЖЕРЕБЁНОК

Вечерний час, тела коней
сливаются с желтеющим закатом,
последней тучей горизонт залатан,
и небосвод от этого синей.

Сомненью срок – так пусть он будет краток.
За жеребёнком карим – свист да хлесь;

возвышенна его лихая спесь
и бег обворожителен и сладок.

Сникает свет, храп конский слышен близко,
из-под копыт – осколки первых звёзд;
и чудо-ночь, простёршись в полный рост,
вскрывает вены солнечного диска.

За мглою мгла, и выстлан холм небесный
атласа чёрно-алого ковром,
но не обуздан карий, как фантом,
над временною властвующий бездной.

Всё ближе, ярче лунное дрожанье,
что холодит уставшие глаза,
и серебрит упавшая слеза
за горизонт несущееся ржанье.

Взгляд жеребёнка – ночи рдяной восход.
В любви сомненье – временная ноша.
Я возвращаюсь; звёзды, как пороша,
заполнили небосвод.

1988

ЗНАКИ

Есть тайна – белый лист бумаги,
не тронутый взволнованным пером...
Давно умчал от берега паром,
паромщик делает мне знаки.

Я знаки эти что-то не пойму.
Чего уж там – упущенному слава.
«Эй, на пароме!..» – Не услышат, право;
да и не нужен там я никому.

Попутный ветер мне не господин.
Им весело на палубе безбрежной.
Волна о берег плещется небрежно,
и я на берегу стою один.

Я знаки в памяти не сберегу.
Всё хорошо – мне подождать придётся.
Паром назад когда-нибудь вернётся,
но на него попасть я не смогу.

Дни коротки, а год ещё короче.
Поэтому и знаков образ мглист...
Но тайна есть – бумаги белый лист,
к перу и почерку охочий.

20.12.1988

МУЗЕ

Тебя не ждал, но ты пришла, маня
судьбой весёлой и печальной,
и в трудный путь отправила меня
тропой поэзии венчальной.

Я не противился, не потому,
что захотелось славы сладкой, –
была желанна сердцу моему
твоя нежданность и загадка.

Но не хочу, чтоб оставалась ты
моей звездой в кругу сиянья,
чтоб мы, как параллельных две черты,
вовек не ведали слиянья.

Хочу жену в тебе предощущать;
и в ссоре или в поцелуе
тобою любоваться и прощать
поступки, сделанные всуе.

И, может быть, когда ночная тьма
усилит боли и тревоги,
срастись с тобою, как срастаются дома,
деревья, реки и дороги.

1977 (1989)

ПРОРОК

"С тех пор..."

Из дома вышвырнутый вновь,
я разодрал свою одежду,
как обнажённую надежду,
как прокажённую любовь.

Я распродал лохмотья веры
и корни вырванных стихов.
без колебанья и без меры
приняв бездомье, словно кров.

Все переполнились злословьем,
но не кричали мне вослед,
а насмехались с хладнокровьем:
"Одежды не было и нет".

Пустыню проклял я спокойно,
в душе пустыню восхвалив,

песок и холодно и знойно
засыпал глаз моих разлив.

Ночами слышать научился
я ближний бред и дальний храп,
когда однажды мне приснился
во мне беснующийся раб.

Когда он сытыми глазами
искал порок в глазах моих,
вполне "святыми семенами"
себя насытив и других.

И вот нечистыми устами
швыряю богу, как плевков:
"Я веру продал со стихами –
скажи, так разве я пророк?"
13.03.90

* * *

Ты никудышная жена,
но ты прекрасная любовница.
Ты страстью вновь поражена,
и вновь невинна и виновница.

Невинна в мужниной тоске,
ему постель – предел желания,
ему – извечному брюзге –
зачем твои переживания.

Противны стирка и еда,
капризной дочери кричание,
а после ссоры, как всегда,
игра в ехидное молчание...

Сегодня ты ко мне придёшь,
наполнишь комнату цветением
и все заботы, словно дрожь,
забудешь с лёгким вдохновением.

И спросишь вдруг полущутя,
поставив чашечку, чаёвница:
мой милый, после, жизнь спустя,
ведь ты не скажешь мне: виновница?..
02.07.91

3. КАПРИЗНАЯ АКВАРЕЛЬ 1993

* * *

Я знаю, ты мечтал всегда
сказать о том, о чём другой
не скажет или никогда,
или неточную строкой.

Но вот и молодость уже
внушает: пошлости не любви,
а ты по-прежнему сквозь зубы
бубнишь готовые клише.

И ни к чему тебе забота:
любви паденье иль зенит,
когда ты чист, одет и сыт,
а рот заполнила зевота.

И не мечта теперь тобой
владеет – ты, как херувим,
меж небесами и землёй
витаешь нелюдим.

27.06.1982

* * *

Любовь пропелась, как протяжный блюз,
но, восстанавливая в памяти мотивы
прошедших чувств, сквозь музыки разливы
вновь ощущаю саксофона острый юз.

Мне дорога мелодия, в которой
скрывалась мысль, как в ножнах трепетный кинжал,
и нам не верилось, что стынть владела шторой,
а бисер люстр испуганно дрожал.

Мне дороги слова, что новизною
блестя со сцены, словно гранями алмаз,
лишали нас неискупимую ценою
неверности отточенной, как сглаз.

Мне дорог зал, где каждый звук пленял
и где, как нож, антракта в сердце хмель вонзалась;
когда мы уходили, то казалось,
что вскоре возвратимся в этот зал.

Концерт окончен, саксофон низложен,
и память сбросила души гнетущий груз,
но я беспомощен – мысль вынута из ножен:
любовь пропелась, как протяжный блюз.

02.01.1983 (08.01.1995)

ПОТОК

Бурна Двина, когда снега в опале,
ещё не ясен солнечный восход,
уже пределен шум весенних вод,
а я опять в смятенье и печали.

И будто берег рушится потоком,
и размываются былинные строенья,
и нету ни защиты, ни спасенья,
от волн, мятущихся в пылу жестоком.

Лиха Двина. В лавинном половодье
мне слышатся исчезнувшие речи:
неужто вышли кривичи на вече
прославить князя и проклясть невзгодье.

И будто кони в беге полновластном
несут дружину в битву на поля;
как колокол колеблется земля,
вся в чёрном, белокипенном и красном.

Вольна Двина... Мой век – всего цитата,
но долог путь долинных двинских вод;
и утопает весь небесный свод
на линии апрельского заката.

И будто вся природа на мгновенье
слилась в дыхании единого потока;
и нет конца, и не было истока,
и лишь Двины широкое течение.

21.05.1987

* * *

Как писали в начале века,
так же пишем мы и в конце,
так же рыщем по дну сусека,
чтобы рифмы сыскать в грязце.

Как и прежде струны анафор
мы пытаемся оживить
и ласкающий бриз метафор
необычностью окрылить.

Те же темы владеют нами,
те же чувства сокрыты в нас,
над бессонными голосами

те же – молнией – вспышки фраз.

И такие же ритмов звоны
околдовывают в ночи
слуха нашего перепоны,
лики наши в огне свечи.

Неужели и мы вторичны
в океане добра и зла?
Век закончится феерично,
мы, как спички, сгорим дотла.
02.01.1992

* * *

Я снова проклят временем
и этою страной:
проклятье звёздным бременем
сияет надо мной.

Стихи мои отмечены
не Млечной полосой,
а исподволь подсвечены
церковною свечой.

Какая скудость лунная
по нашей по степи,
и время, страсть табунная,
срывается с цепи.

Да этою ль планидою
я был всегда влеком?..
Проклятье панихидою
смеётся над стихом.

И вдруг сквозь взгляды лживые
я вижу в тишине,
как звёзд глаза фальшивые
подмигивают мне.
02.04.1992

МЕЖЕНЬ

Я помню музу с малолетства,
когда она, смеясь, меня
без фамильярного кокетства,
без вдохновенного огня
учила вдумываться в слово,
держат перо и каждый крик
переиначивать сурово

и осторожно в тот же миг.

Я помню: августовским летом,
когда рекой владел межень,
когда мне был ещё неведом
метафорический кремень,
она меня взяла на руки
и в реку бросила: «Плыви
сквозь поэтические муки,
сквозь муки бранные любви».

Я помню вздрог, который губы
мои неимоверно сжал,
и плоть воды нежнее шубы,
и брызг безумствующий шквал,
и музу в сумерках грядущих,
и, как в светящемся венце,
испуг в её глазах цветущих
и состраданье на лице.

07.04.1992

РАЗДВОЕНИЕ

Есть раздвоение в прекрасном,
но есть и скрытая зола,
как в небе шёлково-атласном
есть и свечение, и мгла.

Моё рождение во мраке –
о смерти думать не пора.
Что между ними: жизнь во фраке
иль этой жизни мишура?

Что ночь, разъятая на части,
и день, скользкий в полутьму,
когда сквозь страсти и не-страсти
я смысла жизни не пойму?

Близка концовка этой жизни,
звезда безмерно далека,
и мысли – искристые слизи –
меж ними мечутся пока.

Не очистительно страданье,
не возвышающая любовь,
и раздвоенья изваянье
сознаньем управляет вновь.

Быть может, жизни вовсе нету,
а есть мгновенье, вспышка, вздрог,

по рядовому трафарету
вдруг подводящие итог?

И было ли оно, рождение,
когда в полуночной тиши
скрываю, как сердцебиенье,
трагичность собственной души?

Она – в молчании бесстрашном,
и жизнь молчит, сгорев дотла.
Есть раздвоение в прекрасном,
но есть и скрытая зола.

29.04.1992

* * *

О, мой современник, сплавленный
из гения и недоучки,
не ты ль, болтовней отравленный,
целуешь варварству ручки.

Не ты ль, прияв вдохновение, –
а может быть, это вывих –
срываешь в одно мгновение
героев, вчера любимых.

Не ты ль над верой бездожденной
склонялся, мир удивляя, –
сегодня, как новорожденный,
орёшь, её проклиная.

Не ты ли искал спасения
в добре, надежде, отчизне
от вечного раздвоения
отмеченной дрожью жизни.

И вот ты в огне смятения,
как обворованный вором, –
в тебе недоучка гения
выклевал, словно ворон.

25.05.1992

ФИГОНОСЦЫ

Наконец-то они появились, новейшие люди,
для которых мудрейшие мысли – как зельц на блюде
и которым приятно завидовать тем, у которых
сохранён и готов к возгоранию в сердце порох
неумолчного творчества или желанного риска.

Наконец-то они появились и жаждут, как миска,
до мельчайших осколков раздробленная, возмездья
над рукою дающей, над добреньким чувством,
бесчестья
пережить не сумевшего и – осужденье надо ль? –
не узревшего в новом холёную старую падаль.

Наконец-то они появились, лампадники века,
осветители злости, сжигатели даже снега,
устроители дня среди всеобщей владычицы-ночи,
что не ведает сна, но полна абразивной мочи
для стирания извилин в мозгах, что ещё не
развились.

Наконец-то они, наконец-то они появились,
долгожданные люди, которым смотреть умильно
на паденье достоинства и на рождение сильной
деградации логики типа ослиного ига
и внутри у которых уже не душа, а – фи́га.
02.10.1992

* * *

Прошлогодняя трава,
пар, пьянящий до дурмана...
Ты сегодня встала рано,
на меня взглянула странно:
«Думаешь, я не права?»

Вышла. Небо расцветало,
для апрельский ритуал,
слёзы лил снежок подталый
и со спешкой запоздалой
молча щёки утирал.

Птицы гомоном и трелью
распророчили тепло,
что, подобно ожерелью,
вдруг рассыпалось капелью
на озёрное стекло.

На вчерашние раздоры
мерно солнца падал луч,
открывая окна, шторы
раздвигая, словно горы,
отпирая дверь, как ключ.

«Что ж ты спишь, – вилась полого
слов урчащая кудель, –
нам с тобой не надо много:

лишь бы небо – синеоко,
лишь бы буйствовал апрель,

и под окнами сгорала
безобидно, без аврала,
как гнилое одеяло,
прошлогодня трава...
Думаешь, я не права?»

19.10.1992

4. МАЙ-ПОМАЗАНЕЦ

1994

ЗАГАДКА

Мой край не весел, не печален.
Кленовый запах для меня переворот.
И я, спокоен и отчаян,
дом покидаю, где меня никто не ждёт.

Где словно тлением объята
и брёвна древние, и сад, и окон ряд,
и только клёны на закаты
глазами изумрудными глядят.

Замыслил я поступок в жизни.
Мне шумный город – притягательная суть,
но этот шум, как шум на тризне,
что тяжким камнем опускается на грудь.

И хоть с годами нету сладу,
я думаю, что чувства мне не врут,
что, возвратившись, как отраду
я вновь увижу клёнов изумруд.

Я ухожу, но что я оставляю
в саду гниющем, в доме набекрень?
Себя частицу или стаю
раздумий, исчезающих как тень?

Ни то, ни это. Всё случайно.
И только окон рассыпающихся ряд,
и брёвна древние, как тайна,
и клёны вечные зовут меня назад.
27.05-21.07.1986

* * *

Чайный вечер льётся в сад;
сквозь луны молчанье –

неусыпных яблонь взгляд
и ручья урчанье.

Знаю: каждый взгляд без слов –
мысли между строчек:
отлюбил и будь таков,
и не жди отсрочек.

Слышу: в скрежете сует
страха подоплёка? –
речь ручья – почти ответ,
что сокрыт до срока.

Вижу: отблеск лунных уст
холоден иль жарок,
и души сорокоуст
тлеет, как огарок.

Замирает страсти пых,
словно птичья стая,
и скользит из рук моих
чашечка пустая.

1988, 1992

* * *

Ты не решишься, хоть – беда,
ко мне нечаянно приехать,
разбередить, как никогда,
полузабытой страсти нехоть.

Отвергнуть, даже если жаль,
любовь, начертанную роком,
и сна совместного печаль
ты не напомнишь ненароком.

Ужель всегда, когда один
неотречённо ждёт и любит,
другой неумоимо губит
любви светящийся рубин?

Неужто времени костёр,
сжигая вещное искусство,
сжигает, как ненужный сор,
уравновешенные чувства?

Сегодня ты в который раз
проснёшься в неге первозданной,
совсем не зная, что сейчас
я пред тобой явлюсь нежданно.

25.03.1993

* * *

Как привередливый подросток,
объятый страстью к бланманже,
без раздражений и загвоздок
я забываю Вас уже.

Когда-то – было и не скрою –
Вы проплывали предо мной
неодолимою тоскою,
всепоглощающей волной.

Вы открывали суеверно
своей души хмельной Эдем,
меня в него высокомерно
не приглашая, между тем.

Произнося слова, иголкой
вдруг застревавшие во мне,
не насмехались Вы, а колко
меня сжигали, как в огне.

Вы говорили: «Сладострастья
пересыхают в суете;
как жаль, что в этом море счастья
ты любишь сладости не те».

26.04.1993

НОВЫЙ ИКАР

И вот, поглядывая вспех
из полужёлтого окна,
шепчу: тому труднее всех,
кому крылатость не дана.

А в размерцавшихся глазах
борьба со страхом началась,
и Млечный Путь, как вечный прах,
во мне – ночная ипостась.

Уже в огне покров небес,
и я, свою собравши мочь,
взлетаю, понимая, – без
меня не вызвездится ночь.

Звеня луной, как бубенцом,
ночная тьма, под стать клешне,
вдруг, над моим мелькнув лицом,

перерезает крылья мне.

Моё падение на твердь
подобно молнии-мольбе:
и жжёт бессмысленностью смерть,
и смысла нет уже в судьбе.

И вновь поглядывая вспех
из полужёлтого окна,
кричу: тому труднее всех,
кому крылатость не дана!
02.01.1978(25.08.1993)

* * *

Глаза белорусов синее неба
и глубже байкальских вод,
они переполнены силой хлеба,
богатством пчелиных сот.

Душа белорусов нежнее самых
цветущих весной садов,
она освящает склонённых в храмах
и вносит смирение в кров.

В руках белорусов, как песня птичья,
звучнеет забота вдруг,
они терпеливы до безграничья
и хлебосольны сам-друг.

Судьба белорусов грустнее, может,
болезни и клеветы,
она, умирая, живёт и множит
сияние правоты.

Сердца белорусов вернее богом
внушённой любви скупой,
они разрываются ненароком
и тихо, как почки весной.
24.10.1993

МАЙСКИЕ ТЕРЦИНЫ

Отцветший сад, середка мая
лениво льётся молоком
на зелень трав, в ладонь, смывая
судьбы морщинистый надлом,
прикосновение губ, душисто-
солончатый запах дрём
и ощущение бархатистой

травы, пьянящей наобум.

Покровом-простынёй снежистой
и сладкой, как рахат-лукум,
являя сыть, являясь сочной
поительницей тайных дум,
травы – родник-огонь молочный –
укутывает нас и вдруг
вливает в пальцы непорочно
парное вожделенье мук.

И всё мешается в сознание:
отцветший сад, движение рук,
неудержимых уст блистанье,
неутишимых чувств всполох,
серёдка мая, зацветанье
черёмухи – первейший вздох
грядущей стужи и травыцы
смарагд, застигнутый врасплох.

Молочность, как отроковицы
неиссякаемая спель,
кропит уснувшие ресницы,
дурманит разум, словно хмель,
переполняет кровь, вливаясь
в деторожденья колыбель,
внушая нам целебность-завязь
вкушенья майского плода.

02.11.1993

ПОПЫТКА ФАТУМА

Зачем спешить, куда спешить? –
коварно время;
настанет день – не буду жить:
сорвётся стремя.

Вчера, сегодня ли рождён? –
пойми, попробуй;
к последней дате пригвождён,
как крышка к гробу.

С гвоздя сорваться мудрено,
а если – всё же,
то упаду не как бревно,
как шрам на коже.

Разгладить прожитого суть?
Пожалуй, это –
как изваяние разуть,

лететь кометой.

А если скорость есть за смерть
в глазу полено,
то сквозь былую круговерть
день – по колено.

В конце спрошу себя: скажи,
спешил к обедне?
Хватало времени, а жи...
была намедни.

29.05.1987(30.01.94)

5. ИЮНЬ

1998

* * *

Пальцы в землянике,
слезы в горячах,
солнечные блики
на твоих очах.

Голос паутинкой
рвётся вдалеке,
хрупкая хитринка
ямкой на щеке.

Шаг – дорогой долгой,
след во мху от пят,
от тропинки колкой
хвойный аромат.

Ягоды в лукошке
спят шалаяй-валяй...
Хлопнула в ладошки:
что ж ты, догоняй!

13.07.78

* * *

Когда я вымок под дождём, который
не прекращается, завидую ли я
тому, кто дремлет в комнате за шторой,
забыв и дождь, и сладость жилья?

Когда в тиши, в который раз, мне жутко
от мысли, что любимой в мире этом нет,
завидую ли я тому, кто шуткой

избавиться от всяких может бед?

Когда весной цветение природы
напоминает мне о юности слегка,
завидую ли я тому, кто годы
свои считать не думает пока?

Когда под вечер, мудрствуя лукаво,
я вновь мучительно склоняюсь над стихом,
завидую ли я тому, кто славой
владеет походя, играючи, живьём?

Когда ко мне придёт мой день последний,
не позавидую ли с горечью тогда
новорождённому, что в жизнь намерен
пришёл, как полуночная звезда?

06.11.81

* * *

В конце июня тишь на нас нисходит.
И, холод мыслей считывая с губ твоих,
произношу: "Природа сумасбродит
и дарит нежность на двоих".

Твой полусмех – осколок оскорбленья;
но я от слов своих отречься не могу
и неожиданно меж нами разожгу
костёр июньского волненья.

На каждой ветке с полуночным цветом
от замиранья есть зольная слеза,
но шепчешь ты: "Мне этот мир неведом,
как и его чистейшая стезя".

Среди молчания уход июня робкий,
костёр, увы, самосжигающихся чувств –
ужель в единое сомкнулись всех искусств
луной обласканные тропки...

Расслышишь ты неслышимое прежде.
Ночное слово на твоих губах – как снег.
Уходим мы – лишь тени, по одежде
скользя, останутся навек.

И вдруг неизгладимое свеченье:
звезда последняя? любовь? зарницы взрыв?
И вздрогнешь ты: над нами нежности разлив,
меж нами – тишины мгновенье.

09.03.88

* * *

Горестно мне от спокойствия сладости,
что, как вино, изливается в душу
в миг безмятежности, холодноватости
сердца, которое сонно наружу
выплеснет выдох чудаковатости.

Разве разумнее кануть в безлюбие,
в заводи-комнате хрупкие годы,
словно стекольные шарики грубые
или приятные, на непогоды
выходки злясь, отрицать, как сугубые?

Нет, не могу, не хочу я рачительно
оберегаться от мук и смятений,
что с неожиданностью упоительной
дарит в период счастливых мгновений
женщина нежная – лотос спасительный...

Всё исчезает: и страсти, и лености
в круговороте мирского забвенья,
в море безумия, в омуте брэнности,
в сером болоте: на дне отчужденья,
или в любви – океане нетленности.

12.03.94

* * *

Тело женщины – парное молоко;
на рассвете, в миг священный
выпивается целительно-легко
и блаженно.

Руки женщины – два сладостных ручья;
в полдень необыкновенный
омывают душу-тело от скучья
и измены.

Губы женщины – медвяная роса;
в час вечерне-незабвенный
омолаживают думы, как слеза
Иппокрены.

Очи женщины – магичный Млечный Путь;
ночью холодно-меженной
истекают на меня, чтоб вдруг вдохнуть
ладан тлена.

08.05.94

* * *

Я с детства мыслил изучать
природу и любовь,
и эта страсть – на мне печать
червонная, как кровь.

Не в меру короток мой путь
среди строчек, рифм и стоп;
я думал, что когда-нибудь
мой просветлеет лоб.

Стремленье скрашивает быт,
но сквозь сомнений шквал
я был предательски убит
стремленьем наповал.

Как губка, впитывал песок,
от бремени – в поту,
моих холодных дум поток
и тела теплоту.

Бессмертья пламенную зудь
несклонный отрицать,
я понял: жизни этой суть
разумней созерцать.

27.07.94

* * *

Я не люблю тебя наверно
за тон твоих когтистых фраз,
произнесённых соразмерно
слезам и смеху в чёрный час;

за хладнокровье поцелуя
в преддверье сна, в хандре, в беде,
когда сознание, как сбруя,
уже в углу иль на гвозде;

за умолчание навета
в предчувствии большой игры,
что у тебя сокрыт монетой
в шкафу, в кармане – до поры;

за откровение, которым
ты осторожно подчеркнёшь:
всегда за нежеланным горем
желанная приходит ложь;

за страх в глазах от подозренья:
измена – верности сестра;
за мысль в оправе униженья:
ведь я из твоего ребра.

Я не люблю тебя, но знаю,
что нелюбовь, хоть визави,
хоть в одиночестве – по краю,
есть форма прожитой любви.

11.12.94

* * *

Зелёный мир, опять в тебя вхожу
и, растворяясь в замершей поляне,
раскованно и сладостно дышу
крылатым ароматом новой рани.

Предощушаю в девственном сиянье
новорождённо-солнечных лучей
ромашки с подорожником слиянье
и мяты матовый каприз очей.

Зарю с цветением венчая,
я чую вдруг
благоуханье иван-чая
и мглы испуг.

Мне дорог устремившийся в зенит
рассветный взгляд росы осиротелой
и в ней неугасимый малахит
душицы, зверобоя, чистотела.

Приятны мне полынь и полевица;
моей руки неосторожный взмах –
и шёпот их, как вспугнутая птица,
меня увидев, скрылся в небесах.

А можжевельник некапризный
в который раз
напоминает мне отчизны
полдневный час.

02.05.86 (28.12.94)

* * *

Ты говоришь мне: что тебе!
пиши, стыкуя слов суставы,

а там... потворствуя судьбе,
кружи по лабиринтам славы.

Ты говоришь мне: всё пустяк!
когда пирует вдохновенье
и совершает омовенье
душа – телесного костяк.

Ты говоришь мне: а когда
мы все уйдём за грань беспечно,
тебе не будет так увечно,
как нам, ушедшим навсегда.

Ты судишь мудро, дорогой;
но ты взглянул бы ненароком,
как я, хребет согнув дугой,
пишу, объятый властным роком.

Он не дарует славу мне,
и до неё ли, если ночью
я вижу, слышу, как воочью,
одни слова в сполошном сне.

Моё сознание гласит:
не вдохновение – родитель,
а трудолюбие, сожитель
души, которая кипит.

Которая, не веря в смерть,
осознаёт вполне логично,
что к смерти жизни круговерть
без исключения вторична.

Так для чего же я пишу,
ведь счёт судьбы давно оплачен?
за что свинцовость слов ношу,
когда пороком не означен?

Но нет, я не ищу вины;
скользи зрачком и думай сладко,
что я живу легко и гладко –
всё хорошо со стороны.

26.12.78 (17.01.95)

ПЛАЧ

(по мотивам народной песни)

Ах вы, девушки, соль огорчения,
вы подружки мои, вы лебёдушки,
ну, зачем же вы в нежной заботушке
поснимали с меня облачения?

Чем сегодня я вам приглянулась?
Ведь была весела я, нарядна,
а теперь смущена, неприглядна
и к росистой траве принагнулася.

Все наряды мои вышивные
да подарками пообернулись,
все листочки мои кружевные
да завяли уже, да свернулись.

Вы голубки мои, вы молодушки,
поспешите же к речке-ворожке,
уж вы ручки мои, уж вы ножки
киньте-бросьте в бурление водушки.

Пожелайте веселья берёзоньке,
пожалейте её, несчастливицу,
и поплачьте над нею внадрывицу,
проливая солёные слёзоньки.

15.01.71 (30.01.95)

Литературно-художественное издание
РАТКЕВИЧ Александр Михайлович
ПЯТЕРИЦА (Изборник)
Полоцк, 1995 – 120 с.

Сдано в набор 18.06.1995
Подписано в печать 12.07.1995.
Печать высокая. Формат 60х84/32.
Печ. л. 3,75. Заказ 3510. Тираж 2000.

ППП «Наследие Ф.Скорины»
211400, Полоцк, ул.Гагарина, 8.